

ЗАМѢТКА

О ЯЗЫКѢ ВООБЩЕ И О РУССКОМЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Словесное выраженіе мыслей мы называемъ *языкомъ*. Законы мышленія разсматриваются въ *логикѣ*; законы и явленія языка объясняются въ *грамматикѣ*; потому логика и грамматика находятся въ связи между собою. Логическія формы мышленія—*понятія, сужденія и умозаключенія* (силлогизмы) выражаются грамматическими формами—*словами и предложеніями*, именно понятія—словами, а сужденія и умозаключенія—предложеніями. Если законы и явленія языка не всегда соглашаются съ законами мысли, то надо помнить, что языкъ 1) какъ выраженіе мысли помощью членораздѣльныхъ звуковъ, сверхъ законовъ мысли, опредѣляемыхъ въ логикѣ, подчиняется еще законамъ сочетанія членораздѣльныхъ звуковъ; 2) при художественномъ выраженіи мысли, пользуется законами фантазіи, которая неодушевленнымъ предметамъ и отвлечѣннымъ понятіямъ даетъ жизнь, чѣмъ и объясняется въ языкѣ, напримѣръ, мужескій или женскій родъ предметовъ неодушевленныхъ и умственныхъ; 3) часто слѣдуетъ *употребленію*, которымъ объясняется, напримѣръ, согласованіе сказуемаго въ ед. числѣ съ подлежащимъ множ. числа: *вѣдь надо знать, какъ вещи есть* (Крл.); притомъ каждый языкъ имѣетъ особенный, ему только одному свойственный складъ рѣчи, въ которомъ онъ значительно видоизмѣняетъ общіе всѣмъ языкамъ основныя логическія законы: такъ понятіе о сходствѣ мы обозна-

чаемъ предлогомъ *на* (лиса походить на собаку), а нѣмцы—дат. падежемъ (*der Fuchs ist einem Hunde ähnlich*); понятие объ орудіи мы обозначаемъ творит. падежемъ (рѣзать ножемъ, добыть мечемъ), а французы и нѣмцы—предлогами: *avec, mit* (*couper avec un couteau; mit dem Schwerte hinrichten*) и 4) въ историческомъ своемъ развитіи языкъ подверженъ измѣненіямъ: такъ въ древнѣйшемъ періодѣ синтаксическое употребленіе словъ основывается на этимологической формѣ, а въ новѣйшемъ—на смыслѣ: прежде опредѣлительныя при числительныхъ *пять, шесть...* согласовались съ ними, какъ съ существительными жен. рода: *въ ту десять лѣтъ* (Юрид. акт.), а теперь при нихъ ставится или средній родъ ед. числа (десять лѣтъ прошло), потому что они принимаютъ въ отвлеченномъ смыслѣ числа, или множ. число (тѣ десять лѣтъ прошли), согласно съ представленіемъ многихъ предметовъ, а не одного.

Какъ разумность врождена человѣку, такъ врождена ему и словесность: по мѣрѣ раскрытія первой, въ немъ раскрывается и вторая. Но какъ образовались языки въ самомъ началѣ, исторія о томъ умалчиваетъ, потому-что нѣтъ данныхъ, по которымъ можно было бы заключать о томъ; она говоритъ только, что въ самую отдаленную эпоху народы раздѣлены уже были на множество языковъ и нарѣчій. Несомнѣнно то, что человѣкъ въ самомъ началѣ заговорилъ предложеніями, потому-что только предложеніями и возможно выражать свои мысли; впоследствии уже грамматика разложила предложенія и слова на ихъ составныя части (подлежащее и сказуемое, корни, приставки и окончанія, слоги и членораздѣльные звуки или буквы). Какъ языкъ есть организмъ, имѣющій свои законы, свою жизнь, которая выражается много-различными явленіями; и какъ между этими законами и явленіями есть общіе всѣмъ или многимъ языкамъ, есть и свойственные тому или другому языку: то и грамматика, объясняющая законы и явленія въ языкахъ, бы-

ваетъ *общею* или *частною*, напримѣръ, *Русскою*. Но части грамматики во всѣхъ языкахъ одни и тѣ-же, именно двѣ: слова, отдѣльно взятая, какъ выраженія понятій, разсматриваетъ *Этимологія*, а предложенія, какъ выраженіе сужденій или мыслей, разсматриваетъ *Синтаксисъ*. Орфографія или правописаніе и Просодія или словопроизношеніе, какъ части Грамматики, примѣняющія грамматическіе законы къ письменному употребленію языка и къ произношенію словъ, основываются на *Этимологіи* и *Синтаксисѣ*, и потому для большей ясности обыкновенно излагаются въ связи съ ними. *Этимологія*, раздѣливъ слова на разряды, объясняетъ свойства или формы каждаго изъ нихъ; *Синтаксисъ*, показавъ составъ и виды предложеній, объясняетъ, какъ и почему *этимологическія* формы словъ улеглись въ составъ предложеній. Такъ при разборѣ предложенія: *не бываетъ калинь малиною*, *Этимологія* скажетъ, что *калинъ*—дат. падежъ, а *малиною*—творительный; но почему здѣсь употреблены такіе падежи? такъ ли нужно употребить въ приведенномъ предложеніи эти существительныя? отвѣтъ на это заключается въ *Синтаксисѣ*. Въ *Этимологіи* мы знакомимся съ тѣмъ разрозненнымъ матеріаломъ, который въ области *Синтаксиса* является постройкою, гдѣ между частями находится стройная связь и отношеніе.

Русскій языкъ принадлежитъ къ индо-европейскому поколѣнію языковъ, къ которому относятся: *Санскритскій*, *древне-Персидскій* (сохранившійся въ *Зендавестѣ*), *Греческій*, *Латинскій*, *Кельтскій*, *Нѣмецкій*, *Литовскій* и *Славянскій*. Отъ *Латинскаго* образовались языки: *Французскій*, *Итальянскій*, *Испанскій*, *Португальскій*, *Румынскій* (съ примѣсью *Славянскаго*) и проч.; къ *нѣмецкому* племени между прочими принадлежатъ: *нарѣчіе древнесаксонское* съ *нарѣчіими нидерландскими*, *англосаксонское* (изъ котораго образовался, при значительномъ вліяніи *французскаго*, языкъ *Англійскій*) и языки *Датскій* и *Шведскій*; къ *Литовскому* языку принадлежитъ между другими на-

рѣчіе латышское; къ Славянскому языку принадлежатъ нарѣчія: церковно-славянское (именно древне-болгарское, на которое въ IX в. перевено съ Греческаго языка Св. Писаніе) съ ново-болгарскимъ, сербское, чешское, польское, языкъ Русскій и нѣкоторыя другія. Корни словъ Русскаго языка часто уясняются изъ другихъ языковъ. Такъ слово *птица*, по своему корню *пот*, значитъ *летающая*; а корень этотъ видѣнъ въ просторѣчій—*потка*, въ Греческомъ тетораи—*летаю*, въ Санскритскомъ раі—*летать*; слово *тѣшій*, отъ Санскритскаго рі—*ходить*, значитъ *ходящій*; слово *сынъ*, отъ Санскритскаго sunus, значитъ *рожденный*.

Языки славянскаго племени раздѣляются на двѣ отрасли—*юговосточную* и *западную*, на основаніи слѣдующихъ звуковыхъ примѣтъ: въ юговосточной *ѡ* не вставляется предъ *л*, а въ западной вставляется (*сало*—*sadlo* (чеш.), *мыло*—*mydlo* (поль.); *ѡ* и *т* передъ *л* и *н* въ первой опускаются, во второй сохраняются (*налъ*—*radl*, *внлу*—*wadnu* (чеш.), *цвѣлъ*—*квѣтлъ*); смягчающею передъ губными является въ первой *л*, а во второй *і* (*земля*—*ziemia*, *люблю*—*lubju*), хотя въ просторѣчій и у насъ говорятъ: *корабль* вм. *корабль*, *журавъ* вм. *журавль*, а *на земь* и *о земь* вм. *на землю*, *о землю* допускается и въ книжномъ языкѣ. Къ юговосточной отрасли относятся языки: *Церковно-Славянскій*, *Сербскій* (съ нарѣчіемъ *хорутанскимъ*) и *Русскій*; къ западной: *Чешскій* (съ нарѣчіемъ *словацкимъ*), *Польскій*, нарѣчій *лужицкія* (верхнее и нижнее), *полабское* или *древанское* (вымершее). Когда эти языки разрознились и зажили своею особенною жизнію, неизвѣстно.

Русскій языкъ въ свою очередь распадается на три главныя нарѣчія: *Великорусское*, *Малорусское* и *Бѣлорусское*. Изъ нихъ Великорусское нарѣчіе, служащее орудіемъ выраженія полной жизни Русскаго народа и принадлежащее средоточію государственной власти, называется

собственно *Русскимъ языкомъ*; такъ стало оно называться съ того времени, какъ первые Русскіе князья положили начало государственному устройству нашего отечества, которое называлось *Русью*; а за другими по тѣсной области ихъ употребленія въ жизни остается названіе нарѣчій. Слова въ нихъ бывають сходныя по звукамъ и совершенно различныя; мы говоримъ: *дѣдѣ, свекорѣ, тѣсто, бытъ, меня*, малороссы говорятъ: *дидѣ, тисто, бути, мене*, бѣлоруссы: *дзѣдѣ, свякарѣ, цѣсто, быць, мяне*; наши: *вробѣ, изба, лукѣ*, у малороссовъ: *труна, хата, цибуля*; наши: *ужинѣ, свадьба*, у бѣлоруссовъ: *вечѣрѣ, весельѣ*. Разныя области нашего обширнаго государства, въ которыхъ разсѣлился Русскій народъ, оказываютъ вліяніе на различныя измѣненія въ языкѣ, которыя поѣтому называются областными: въ Калужской губерніи вмѣсто *ковшѣ* говорятъ *питушка*, въ Архангельской вмѣсто *работать* говорятъ *страдать*, въ Вологодской вмѣсто *тощая скотина* говорятъ *хоравина*. Вотъ почему въ Великорусскомъ или точнѣе Московскомъ нарѣчій есть много особенностей, которыя называются *говорами*; главныхъ изъ нихъ обыкновенно считаютъ четыре: *Смоленскій* и *Рязанскій* (акающіе), *Новгородскій* и *Владимірскій* (окающіе); такъ говорятъ: *отдалѣ рукамъ* (Влад.) вм. *руками*, *козна* (Новг.) вм. *казна*, *табѣ—яму* (Ряз.) вм. *тебѣ—ему*. Само собою разумѣется, что этими говорами пользуется только народъ въ усной рѣчи; но изъ нихъ можно заимствовать много удачныхъ выраженій и для общеупотребительной рѣчи: отчего, наиримѣръ, слова *горизонтѣ* не замѣнить намъ словомъ *озорѣ*, употребляемымъ на Бѣломъ морѣ? Нѣкоторыя изъ областныхъ словъ вошли въ общее употребленіе: *душегрѣйка*, *злодѣй*, *краснобай*, *рукодѣлье*; другія остались только въ областныхъ говорахъ: *ледоплавѣ* (вскрытіе рѣки), *мыстопадѣ* (октябрь), *солновсходѣ* (востокѣ), *солносадѣ* (западѣ), *спнозбрникѣ* (іюль). Въ началѣ и книжный языкъ ничѣмъ не отличался отъ *народнаго* или *разговорнаго*: первые писатели не могли иначе писать, какъ говорили.

Слѣдующіе за ними грамотные люди учились читать и писать уже по написаннымъ прежде книгамъ или рукописямъ, оставляя въ наслѣдство послѣдующему поколѣнію свое собственное писаніе. Такимъ образомъ образовался книжный языкъ, отличающійся отъ разговорнаго. Нашъ Русскій книжный языкъ очень рано сталъ отличаться отъ разговорнаго, потому-что наши грамотные предки учились читать и писать по церковно-славянскимъ книгамъ. Какъ книжный языкъ стѣсняетъ силу закона и подвергается измѣненіямъ, такъ просторѣчіе расширяетъ ее и сохраняетъ больше старины.

Языкъ идетъ рука объ руку съ жизнію народа; и какъ жизнь народа въ теченіи времени видоизмѣняется, такъ и языкъ терпитъ разнаго рода переменъ, которыя потому называются *историческими*. Разныя историческія измѣненія въ Русскомъ языкѣ касаются не столько основныхъ его законовъ, сколько отдѣльныхъ формъ или частныхъ случаевъ и правилъ. Эти формы то смѣнялись новыми, выходя изъ употребленія, то, употребляясь въ просторѣчіи, не принимались въ книжный языкъ, то, сохраняясь въ литературѣ, не употреблялись въ просторѣчіи. Оттого то нельзя дать отчета, почему извѣстный грамматическій законъ, дѣйствующій теперь, какъ и прежде, къ однимъ случаямъ примѣняется, а къ другимъ нѣтъ, хотя въ древности примѣнялся. Почему, напримеръ, отъ глагола *говоритъ* у насъ есть многократный видъ *говаривалъ*, а отъ *велтъ* нѣтъ, хотя въ старицу употреблялось *велвалъ*? Употребленіе оказываетъ обыкновенную силу на тѣ или другія формы языка: оно сохраняетъ однѣ и чрезъ то поддерживаетъ нѣкогда существовавшій законъ; вытѣсняетъ другія и чрезъ то ослабляетъ законъ и даже замѣняетъ его вновь возникающими правилами. Такъ у числительныхъ *два* и *оба* употребленіемъ сбережены у насъ окончанія двойственнаго числа въ именит. падежѣ, а въ другить падежахъ вытѣснены прежнія формы и склоненіе идетъ по множ. числу; при синтаксическомъ

же согласованіи этих числительныхъ съ существительными и прилагательными составлено странное сочетаніе словъ (*два родные брата*), обратившееся въ правило. Въ самой массѣ словъ съ теченіемъ жизни народа и языка происходятъ перемѣны. Такъ въ языкѣ есть слова обветшалыя или *архаизмы*, которыя когда-то употреблялись, а потомъ вышли изъ употребленія, или получили другое значеніе: *обозъ* прежде называли *гулай-городъ*, *воина*—*вой*, или *дряхлый* прежде значило *печальный*, а теперь значитъ *старый*, *вѣдро* значило *засуха*, *зной*, а теперь *хорошая погода*, *трудъ* значило *бѣдствіе*, *болѣзнь*, а теперь *занятіе*, *стараніе*. Есть слова нововведенныя или *неологизмы*, которыхъ когда-то не было и которыя потомъ уже вошли въ употребленіе; такъ въ нынѣшнемъ столѣтіи составлены слова: *изыщество*, *будущность*, *народность*, *небосклонъ*, *отблескъ*, *временщикъ*, *осуществить*. Если подобныя слова составляютъ искусственно, какъ это изъ писателей дѣлалъ Жуковский, то они не входятъ въ общее употребленіе, не смотря на авторитетъ составителей. Такъ въ переводахъ *Иліады* и *Одиссеи* встрѣчаются слова: *рыбо-обильное море*, *волнообвѣтный островъ*, *румяноланитая дѣва*, *широкотуманная зыбь*, *водовертанный океанъ*, *многотѣнная роща*, *длинноогромный столбъ*. Подобнымъ сложнымъ словамъ въ нашей народной рѣчи соотвѣтствуетъ оборотъ, состоящій изъ существительнаго и прилагательнаго въ именит. падежѣ: *ко третьей—то мудрости учился волхвъ обертываться иньдымъ турумъ-золотые рога*. Но другія сложныя слова, образовавшіяся во время перевода священныхъ книгъ по образцу греческихъ, до сихъ поръ въ употребленіи у насъ: *все-держитель* παντοκράτωρ, *благочестіе* ευσεβεία, *благословеніе* ευλογία, *бого-явленіе* θεοφάνεια, *благо-родіе* ευγενεια, *велико-льпніе* μεγαλοπρεπεια, *вѣнце носецъ* στεφανηφόρος, *живописецъ* ζωγράφος, *земле-мѣрїе* γεωμετρία, *мало душие* μικροψυχία, *сребро-любіе* φιλ-αργυρία, *самолюбецъ* φιλ-αυτός. Есть

слова иностранныя или *варваризмы*: одинъ народъ, приходя въ общеніе съ другимъ, встрѣчаетъ новыя предметы и новыя понятія, которыя выражены на языкѣ послѣдняго, и, усвоивая себѣ эти понятія, поневолѣ беретъ въ свой языкъ и чужія слова, какъ это произошло у насъ при Петрѣ Великомъ; и нѣтъ народа, въ языкѣ котораго не было бы иностранныхъ словъ. Принимая въ свой языкъ слова изъ другихъ языковъ, народъ всегда старается приурочить ихъ къ духу своего языка; оттого происходятъ видоизмѣненія и даже искаженія иностранныхъ словъ: *школа* *schola*, *паникадило* *πολοκαυδουλος*, *налой* *αυαλογιου*. Въ этомъ отношеніи народная рѣчь смѣлѣе литературной: послѣдняя старается переносить чужія слова съ ихъ собственнымъ произношеніемъ и начертаніемъ: *аппаратъ*, *аттестатъ*, *Теодоръ*. При этомъ не нужно забывать, что всѣ языки въ ихъ древнѣйшую эпоху, доступную намъ по оставшимся памятникамъ, отличаются особенно полнотою и разнообразіемъ; что нашъ Русскій языкъ въ связи съ Церковно-Славянскимъ уже въ самыхъ древнихъ памятникахъ нашей письменности не только также богатъ и разнообразенъ въ своихъ грамматическихъ формахъ, какъ и языкъ нынѣшній, но даже во многомъ еще богаче и совершеннѣе; что этихъ древнѣйшихъ формъ сохранилось въ просторѣчій больше, нежели въ современной образованной рѣчи. Древній языкъ сравнительно съ современнымъ, отличается—1) *точностію*, т. е. значеніемъ словъ, ближайшимъ къ ихъ корню: такъ слово *наука* мы теперь употребляемъ въ значеніи знанія, ученія, а въ старину слово *наука* употреблялось въ значеніи навыка, привычки (происходя отъ корня *ук* = *вык*); напр. *государскимъ наказомъ и добрымъ закономъ вѣкъ живетъ* (Домостр.). 2) *Изобразительностію*, по которой слова, нынѣ употребляемая только въ отвлеченномъ или нравственномъ смыслѣ, первоначально имѣли и вещественное значеніе: такъ *понять* теперь значить *уразумѣть*, а прежде значило вообще *брать*; напр. *понять жему*—взять жену, *вода поняла*—вода захватила,

отсюда выраженіе: *поемные луга*. 3) *Полмотою*, расширяющею нынѣ принятое значеніе словъ: такъ слово *верста* у насъ употребляется теперь въ значеніи извѣстнаго разстоянія, а въ старину оно употреблялось еще въ смыслѣ измѣренія вообще и примѣнялось ко времени, означая возрастъ; напр. *еще унз* (юнъ) *сый верстою* (возрастомъ), *но совершенз умомъ* (Пс. лѣт. 44), отсюда понятно значеніе слово *сверстникъ*. 4) *Свободою* въ употребленіи приставокъ и окончаній: такъ мы употребляемъ теперь слово *подмастерье* съ приставкою *подъ*, но не употребляемъ, какъ въ старину, *поддружье* (второй по дружкѣ), *податаманье* (второй по атаманѣ); окончаніе *стый*, выражающее избытокъ или превосходство, въ старину свободнѣе прилагалось къ корнямъ словъ и говорилось, на примѣръ, *бережистый* (отъ берегъ); отъ слова *день* производилось *днище*, т. е. пространство, которое можно пройти въ теченіе дня (въ старину *днищами* измѣряли разстояніе), *днина* (одинъ день), *уденье* въ значеніи полудня. Иногда пѣтъ возможности объяснить ту или другую форму, какъ путемъ историческимъ, возводя ее до первоначальнаго вида чрезъ рядъ позднѣйшихъ измѣненій: такъ, зная законъ образованія нарѣчій по падежамъ, легко объяснить, почему въ словахъ: *кромъ* и *внъ* пишется *ь*. Для надлежащаго знакомства съ значеніемъ тѣхъ или другихъ словъ существуютъ *Словари*, т. е. сборники словъ, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ и съ объясненіемъ ихъ значенія. Пока живетъ народъ, живетъ и языкъ его; исчезаетъ съ лица земли народъ, умираетъ и языкъ его. Поэтому языки раздѣляются на *живые* и *мертвые*. Русскій, Французскій, Нѣмецкій и т. д. живые языки, потому—что живутъ народы, ими говорящіе; старо Славянскій, древне-Греческій, Латинскій, Санскритскій, Готскій и многіе другіе — мертвые языки, потому—что сошли съ лица земли народы, ими говорившіе.

Чтобъ отчетливо изучить современный Русскій языкъ, необходимо обращаться и къ Церковно-Славянскому язы-

ку, и къ древне-Русскому, и къ народному или областному, и къ книжному, потому-что каждый изъ нихъ внесъ какую-нибудь долю грамматическихъ формъ въ составъ нынѣшняго языка. Такъ наши слова: *советъ*, *привѣтъ*, *обвѣтъ* (вм. обвѣтъ) происходятъ отъ славянскаго *вътъ* (вѣщаніе), *ужасъ* отъ *жасити* (страшить), *ретивый* отъ *реть* (соревнованіе), *словесный* отъ *слово* съ церковно-славянскимъ окончаніемъ *ес*: *словесе*. Мы пишемъ: *прежній* и *прежде*—на какомъ основаніи? Оба слова произошли отъ *предъ*, въ Церковно-Славянскомъ языкѣ *д* смягчается въ *жд*, а въ русскомъ въ *ж*; итакъ первая форма чисто русская, а вторая—церковно-славянская, усвоенная современнымъ употребленіемъ книжнаго языка, вмѣсто русской *преже*, сохранившейся въ областномъ просторѣчьи въ видѣ *прежъ*. Въ подобномъ родѣ формы: *между* и *межъ*, одна церковно-славянская, другая русская, употребляются какъ въ просторѣчьи, такъ и въ языкѣ книжномъ. Въ важной рѣчи у насъ употребляются слова и формы церковно-славянскія, а въ разговорной—чисто русскія: *чело* и *лобъ*, *очи* и *глаза*, *ланиты* и *щеки*, *выя* и *шея*, *опочить* и *отдохнуть*. Говоря о Церковно-Славянскомъ языкѣ, нужно разумѣть подъ нимъ не только тотъ языкъ, которымъ мы пользуемся въ нынѣ употребительныхъ церковныхъ книгахъ, но и древнѣйшій: позднѣйшій Церковно-Славянскій языкъ принялъ уже вліяніе Русскаго языка, внесенное въ церковно-славянскія рукописи русскими писцами, не разъ переписывавшими ихъ, такъ-что объяснить, напримѣръ, откуда у существительныхъ на *мя* взялось *ен* (имя—имени), нельзя иначе, какъ прибѣгнувъ къ древнѣйшему Церковно-Славянскому языку: тамъ у этихъ существительныхъ на концѣ писалось *д*, имѣвшее носовое произношеніе (имд=имен) и забытое уже въ позднѣйшемъ церковно-Славянскомъ языкѣ. Прилагательное *браный* въ древне-Русскомъ языкѣ значить: *сшитый изъ узорной ткани* отъ *брати*—работать узорную ткань, и говорилось: *браная скатерть*, хотя у Жуковскаго *браными* названы столы, а не ска-

терти (Одис. пѣсн. 1. ст. 140). Въ древне Русскомъ языкѣ употреблялось слово *стни* въ значеніи залы или жилой комнаты (отсюда выраженіе: *стныя двѣушки*), а теперь оно означаетъ такую комнату, въ которой не живутъ, но которая съ надворья ведетъ къ жилымъ покоемъ, хотя слово *стнь*, какъ прежде значило, такъ и теперь значить *тѣнь*. Въ старину употреблялось прилагательное *войскій*, откуда у насъ *войско*, составляющее такимъ образомъ средній родъ прилагательнаго съ краткимъ окончаніемъ. Наше *торный* (торная дорога) происходитъ отъ областнаго *торъ* (бойкое мѣсто). Потому-то писатели, устроившіе нашъ современный языкъ, изучали какъ Церковно-Славянскій языкъ и древне-Русскій, такъ и народный и книжный. Такъ Ломоносовъ первый указалъ какъ на существенныя отличія языка Русскаго отъ Церковно-Славянскаго, такъ и на взаимное отношеніе ихъ обоихъ. Карамзинъ сблизилъ книжную рѣчь съ современнымъ языкомъ образованнаго общества и съ языкомъ древне-Русскихъ письменныхъ памятниковъ. Пушкинъ, совершенствуя начатое Карамзинымъ, оживилъ книжную рѣчь внесеніемъ въ нее разговорныхъ формъ изъ просторѣчія; онъ далъ примѣръ обогащать современную рѣчь всеми сокровищами роднаго слова, гдѣ бы они ни были, въ церковно-славянскихъ книгахъ и въ древне-русскихъ памятникахъ, или въ просторѣчьи. Потому-то въ употребленіи языка надобно согласоваться съ правилами, выведенными изъ литературныхъ произведеній образцовыхъ писателей, и нынѣ употребляемый образованными людьми нашъ языкъ составилъ подъ вліяніемъ литературнаго. Конечно, необходимо отличать грамматическіе законы отъ правилъ: первые основываются на свойствахъ языка постоянныхъ и независящихъ отъ временнаго употребленія, вторыя—на современномъ употребленіи книжнаго языка или на авторитетѣ образцовыхъ писателей. Тѣ и другія могутъ стать даже во взаимное противорѣчіе: такъ употребленіе словъ: *преждній* и *преже* въ современной книжной рѣчи не допускается хотя по

законамъ языка обѣ эти формы равно правильны. И грамматика, какъ наука о языкѣ, объясняетъ его явленія, подводя ихъ подъ общіе законы, а что не подходитъ подъ эти законы и утверждено употребленіемъ, то основываетъ на авторитетѣ образцовыхъ писателей, составляя для этого правила. Правописаніе слова *сдѣлатъ*, а не *здѣлатъ* подходитъ подъ общіе законы—оно пишется, какъ образовалось въ языкѣ; а правописаніе слова *здѣсь* вм. *сдѣсь* (древнее *съде*) не подходитъ подъ эти законы—оно пишется, какъ произносится, и утверждено употребленіемъ.

До принятія Христіанской вѣры, Славяне *чертами и рѣзами читали и гадали*, т. е. употребляли какія-то начертанія; по принятіи же Христіанской вѣры, стали выражать славянскую рѣчь греческими и латинскими буквами. Когда въ началѣ второй половины IX в. (862 г.) уроженцы Солуны, братья Кириллъ и Меѳодій, приступили къ переводу Св. Писанія на Славянскій языкъ для болгарскихъ Славянъ, то увидѣли необходимость въ Славянской азбукѣ, которая тогда же изобрѣтена была Кирилломъ и по его имени названа Кирилловскою или *кириллицею*. Отъ болгарскихъ Славянъ азбука перешла къ намъ въ переводахъ Св. Писанія и церковныхъ книгъ, вскорѣ послѣ ея изобрѣтенія, вѣроятно при первыхъ христіанахъ, появившихся на Руси еще задолго до св. Владиміра. Буквы взяты были изъ греческаго алфавита и дополнены изъ другихъ алфавитовъ (латинскаго, еврейскаго, коптскаго), или вновь изобрѣтены. Какой первоначальный видъ имѣла Кирилловская азбука и какое число буквъ было въ ней, утвердительно сказать нельзя, потому что до насъ не дошли ни подлинникъ ея, ни собственноручныя писанія ея составителя; въ Остромировомъ спискѣ Евангелія насчитывается ихъ до 46. Почеркъ буквъ былъ *уставный*, отличавшійся чѣткимъ, крупнымъ и округленнымъ письмомъ и употреблявшійся въ древнѣйшихъ рукописяхъ,

полууставный, появившійся въ концѣ XIV в. и наиболѣе употреблявшійся въ XV и XVI в. и *скорописный* начавшійся съ половины XVI вѣка. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ слова большею частію не отдѣлялись одно отъ другаго ни разстояніями, ни знаками препинанія, исключая точки, которая замѣняла собою и прочіе знаки препинанія, и самую разстановку словъ. Для примѣра сличимъ слѣдующій отрывокъ изъ Остромирова Евангелія по рукописи и понынѣ употребительному тексту.

Въврѣмѣно
вѣнидеіс
вѣкаперна
оумъ.вѣ
градъгали
ленскѣиъвоу
уавѣсѣботы
ноуѣасахѣса
ооуенниіегои
косъвластѣиъ
вѣсловоіего.

И снѣде вѣ капернаѣмъ
градѣ Галилѣйскѣи:
и вѣѣ бѣуча иѣхъ вѣ
сѣвботѣ. И оужаса-
хѣса ѡ бѣученіи іегоу:
іако со властію вѣѣ
слово іегоу.

Луки гл. 4 ст. 31—32.

Отдѣлять слова на письмѣ разстояніемъ и знаками препинанія введено для удобства читателя уже позднѣйшими грамматистами.

Съ теченіемъ времени начертаніе буквъ измѣнилось, и первую у насъ типографіею (учрежд. въ 1553 г.) приняты были начертанія не древнихъ, а современныхъ рукописей, измѣненныя нашими писцами по вліянію Русскаго языка. Петромъ Великимъ изъ славянской азбуки составлена русская, но для начертанія за образецъ взята азбука латинская, по большей округленности ея буквъ. Въ какомъ именно году это сдѣлано, съ точностію опредѣлить нельзя; но первая книга, напечатанная русскими буквами (именно геометрія) относится къ 1709 году. Въ 1738 г. опредѣлено число буквъ, а когда учреждены на-

родныя училища, славянское наименованіе буквъ замѣнено латинскимъ: *а, бѣ, вѣ* вм. *азъ, буки, вѣди*.

Церковнославянскія книги мы теперь читаемъ, не измѣняя въ произношеніи ни одной буквы. Это потому, что вѣроятно было время, когда церковнославянская грамота въ наибольшей мѣрѣ соотвѣствовала произношенію, такъ и потому, что не зная, какъ читали ее нѣкогда на мѣстѣ, гдѣ переведено было Св. Писаніе, мы не имѣемъ права искажать старину, подновляя ее современнымъ обычаемъ. О Русскомъ языкѣ того сказать нельзя: по мѣрѣ историческаго развитія его, особенно при разныхъ мѣстныхъ его нарѣчіяхъ, выговоръ неизбежно расходится съ письмами, производя разладъ между произношеніемъ и правописаніемъ, и заставить говорящихъ произносить буква въ букву каждое слово, пока не вымеръ языкъ, нельзя. Съ другой стороны, какъ звуки въ теченіи времени измѣняются въ произношеніи гораздо свободнѣе, нежели буквы на письмѣ, то чтобъ оградить правильность книжнаго языка отъ порчи, грамматика подчиняетъ на письмѣ современный выговоръ правиламъ языка книжнаго, по преданію удержавшаго доселѣ многія свойства древнѣйшаго правописанія и тѣмъ сберегаетъ первоначальный видъ реченій. Наше современное правописаніе основано на исторіи Русскаго языка, находящейся въ связи съ письменностью церковнославянскою. Такъ въ этой письменности слово *лькаръ* постоянно пишется съ буквою *ль*, какъ происходящее отъ *лькъ* (лѣкарственное зеліе); и производить его отъ *легкій* нельзя, потому что *ль* никогда не измѣняется въ *к* или *ч* (лѣкаръ, лѣчить) и не можетъ выбрасываться.

Надстрочными знаками славянскія письмена также отличаются отъ русскихъ. Тамъ есть: удареніе, придыханіе, ерикъ и титла. Удареніе, показывающее мѣсто повышенія голоса, бываетъ: острое (глаголю), тяжкое (сотворю) и обложенное или камора (благамъ моѣ); придыханіе ставится надъ гласными въ началѣ: ѱссопъ, ерикъ

ставится вмѣсто з: прѣд; титломъ обозначается пропускъ какихъ-нибудь буквъ: Сѣтый Дѣзъ. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ сокращеніе буквъ въ словѣ и титла не имѣли другаго основанія, кромѣ экономіи въ письмѣ, распространенной на слова наиболѣе употребительныя въ церковной письменности, т. е. на нѣкоторыя названія священныхъ предметовъ и лицъ. Уже внослѣдствіи этой экономіи придано было иное значеніе, согласное съ благочестивыми понятіями старинныхъ писцовъ: сокращенію подвергались слова, преимущественно выражавшія что-нибудь священное, какъ показываетъ самое названіе титла отъ латинскаго *titulus*. Иногда писцы ограничивались начертаніемъ первой и послѣдней буквы слова, что подавало поводъ къ превратному пониманію словъ: такъ надпись Образа Богородицы: *МР. ОУ—Мстѣр Оеѣ* однимъ азбуконикомъ объяснена была такъ: *Марія родила еарисейскаго учителя*. Вообще сокращеніе облегчало работу писца, но затруднило читателя.

До XVIII вѣка какъ въ скорописи, такъ и въ печати славянская азбука была господствующею, а теперь она служитъ только на потребу церкви, т. е. для печати Библии и книгъ богослужебныхъ, и потому называется *церковною*, въ отличіе отъ русской, которая, служа для всего гражданскаго обихода, называется *гражданскою*. Та азбука была бы совершеннѣйшею, въ которой для каждаго членораздѣльнаго звука была бы особенная буква; но ни у одного народа нѣтъ такой азбуки потому, что звуки съ теченіемъ времени измѣняются, а буквы всегда остаются тѣ-же; съ другой стороны потому, что не каждый народъ изобрѣтаетъ для себя особую азбуку, а одинъ заимствуетъ ее у другаго, ограничиваясь чужими буквами и не рѣшаясь дополнять ихъ новыми знаками, отчего и бываетъ, что одинъ звукъ обозначается иногда двумя-тремя буквами: *beau, szczęście*.

В. Новаковскій.